

В этом плане концовка “Дианы” интересна скорее тем, что в ней происходит обратное превращение “живой” скульптуры во что-то иное, не человеческое и потому непостижимое для наблюдателя. Концовка “Дианы”, с его столкновением детального описания и напряженного чувства характерна для Фета не только в антологических стихотворениях, но и в иных: дело не в том, что стихотворение кончается “живой” картиной, а скорее в том, что уже в конце текста “живет” не статуя, а человеческая душа. Не так важно, что “мрамор ... исполнился какой-то ... таинственной жизнью”, как писал В.П. Боткин [8, с. 221], а важно то, что “последние две строки”, по словам Ф.М. Достоевского, “полны такой страстной жизненности, такой тоски, (...) что мы не знаем ничего более сильного, жизненного во всей нашей русской поэзии” [9, с. 96–97]. Весь текст как бы играет “жизненностью”, но ключевым элементом оказывается жизнь, не наблюдаемая поэтом, а испытанная им.

Эти два типа познания – наблюдение и душевный опыт – совмещаются в фетовской лирике по-разному в разные периоды его творчества и в разных типах текста. С ними связаны другие оппозиции, характерные для его поэтики, а самая известная из них – оппозиция внешнего и внутреннего мира, которые часто представлены в начале и в концовке одного и того же стихотворения.

Давно известно, что движение “от внешнего мира к внутреннему” характерно для стихотворений Фета. Именно оно часто устранялось при редактировании стихотворений Фета Тургеневым. Б.Я. Бухштаб насчитал 14 случаев, когда стихи, напечатанные в издании 1850 г., были перепечатаны в тургеневском издании 1856 г. без последней строфы, причем, как замечает Бухштаб, часто отсекался при этом именно поэтический сдвиг от описания внешнего мира к представлению мира внутреннего [6, с. 565–568]. Самым знаменитым случаем тургеневских купюр является концовка стихотворения “Я пришел к тебе с приветом”, которое потеряло свои последние две строфы, потом уже восстановленные, по-видимому, не столько по авторской инициативе, сколько под влиянием рецензии Боткина на тургеневское издание [8, с. 232]. Бухштаб считал, что редакция Тургенева, направленная на истребление психологизма у Фета и усиление “ясности” и “понятности” его поэзии [6, с. 568], демонстрирует непонимание основной и самой характерной линии в поэтике Фета. Л.М. Лотман, наоборот, считает, что психологическая концовка у Фета была лишь подражанием Гейне и что исключенные Тургеневым концовки довольно часто были “наиболее традиционной частью” стихотворений и иногда придавали им “однозначно примитивный характер” [10, с. 34].

“Диана” – пример общепризнанно удачного применения приема интериоризации. Но успех этой концовки в том, что это интериоризация, скрытая – как бы в фигуре умолчания. Внутренняя жизнь со всем ее пафосом и тоской, о которой говорит Достоевский, как бы вмещена в одно слово “непостижимой”, тогда как поверхностный словесный строй текста весь сосредоточен на внешнем мире, на недвижимом мраморе. Интериоризация остается имплицитной и потому не может носить тот “однозначный примитивный характер”, о котором пишет Л.М. Лотман. Фетовская недосказанность – одна из главных черт его поэтики, и в “Диане” она смягчает обычную фетовскую замкнутость в мире психологических впечатлений.

По той же причине удачна скрытая или полускрытая интериоризация в других антологических произведениях 1840-х гг., например в стихотворении “Сон и Пазифая”, где описание тоже становится предлогом для заражающих внутренних переживаний. Если сравнить антологические стихи Фета с антологическими стихами, например, Майкова, то психологизм и “необъективность” даже антологических текстов Фета сразу становятся видны сквозь мнимую объективность. Взаимосвязь между наблюдением внешнего мира и опытом личных переживаний у Фета так тесна, что антологическая созерцательность могла довольно долго служить для него способом сдерживать в “описательной” поэзии ту эмоциональность, от которой в неантологических текстах молодой поэт не всегда во время отказывался.

Таким образом, Тургеневу и другим редакторам Фета с самого начала понравился его психологизм, но лишь в той форме, которую мы выше назвали “имплицитная интериоризация”. Открытую, эксплицитную интериоризацию Фет освоил только позднее, и это освоение требовало от поэта более сложной, чем прежде, техники умолчания, основанной на тонком синтезе внешних наблюдений и внутренних переживаний. Как в изображении внешнего мира поэт то приближается к его явлениям, то вдруг отстраняется от них посредством неожиданных синекдох, точно так же он и свои собственные переживания то рассматривает вплотную, то отдаляет от себя. Его переживания остаются для него “своими”, но все чаще при них появляется теперь какой-то “он”, наблюдатель, который не отождествляет себя с чувствами, которые он наблюдает.

Интересно в этом отношении одно из неантологических стихотворений Фета, написанное в Риме осенью 1856 г., посланное оттуда Тургеневу Н.А. Некрасовым, пересланное Тургеневым А.В. Дружинину и опубликованное в “Современнике” (1857, № 2)